

КОЛХИДКИ *

Чеканка монет может служить, за редкими исключениями, бесспорным доказательством наличия не только классового общества, но и государственной организации, выпускавшей эти монеты. В Колхиде значительно раньше, чем в других областях Закавказья, появилась местная оригинальная чеканка. В русской литературе монеты этой чеканки широко известны под названием «колхидок». Чеканились они из серебра и представлены разными номиналами,¹ от тетрадрахмы — до триобола. Эти монеты образуют тесно замкнутую группу¹, хотя и представлены несколькими типами. Начало их

---

* Доклад прочитан на Научной сессии памяти профессора Д. Г. Капанадзе, состоявшейся в Тбилиси 16—17 марта 1972 г., см. «Тезисы докладов» (Тб., 1972, стр. 4—5).

¹ А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I, Л., 1945, стр. 35.

чеканки относят примерно к последним десятилетиям VI в. до н. э., а прекращение чеканки датируют временем около 325 г. до н. э.²

Приводим здесь список типов и номиналов колхидок, ставших известными до настоящего времени.

№ 1. Л. ст.: оскаленная морда льва в профиль; об. ст.: протома Пегаса во вдавленном квадрате. Тетрадрахма, д. 22—23 мм; вес 10,4—13 г.

Д. Г. Капанадзе, Заметки по нумизматике древней Колхиды, ВДИ, 1950, № 3, стр. 193—194, табл., 1; он же, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 33, табл. 1, 5; D. M. Lang, Notes on Caucasian numismatics, «Num. Chr.», 1957, стр. 138, № 2, табл. XVII; E. Pochitonov, Posnamky a doplňky k nejstarším razbám Kolchidy, «Numismatické Listy», 1959, Červen, стр. 68, рис. 6 и 7; Е. А. Пахомов, Монеты Грузии, Тбилиси, 1970, стр. 278, табл. А, 1.

№ 2. Л. ст.: лежащий лев; об. ст.: коленапреклоненная человеческая фигура с головой животного во вдавленном прямоугольнике. Дидрахма, д. 18 × 21 мм; вес 8,06—11,35 г.

Е. А. Пахомов, Несколько слов о происхождении рисунка колхидок, Батуми, 1911, стр. 7, Зограф, Распространение..., стр. 36, табл. 1, 1—2; Капанадзе, Заметки..., стр. 193, табл., 6; он же, Грузинская нумизматика, стр. 32, табл. 1, 1; Lang, Notes..., стр. 137, табл. XVII, 1; Pochitonov, Posnamky..., стр. 66—67, рис. 3; Пахомов, Монеты Грузии, стр. 278, табл. А, 2.

№ 3. Л. ст.: человеческая голова в профиль в линейном ободке; об. ст.: две такие же головы во вдавленных квадратах лицом друг к другу. Дидрахма, д. 19 × 21 мм; 21 × 23 мм; вес 8,68—11,44 г.

Пахомов, Несколько слов..., стр. 6—7; С. И. Макалатиа, Колхская дидрахма, ВГМГ, VII, 1933, стр. 193—202; Зограф, Распространение..., стр. 36, табл. 1, 3; Капанадзе, Заметки..., стр. 195, табл., 3; он же, Грузинская нумизматика, стр. 32—33, табл. 1, 2; D. M. Lang, Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia, N. Y., 1955, стр. 7—8; табл. 1, 3; Pochitonov, Posnamky..., стр. 66, рис. 2; Пахомов, Монеты Грузии, стр. 278, табл. А, 3.

№ 4. Л. ст.: львиный скальп; об. ст.: голова быка во вдавленном квадрате. Драхма, д. 14 × 16 мм; вес 5,52 г.

Зограф, Распространение..., стр. 36, табл. 1, 4; Капанадзе, Заметки..., стр. 194, табл., 4; он же, Грузинская нумизматика, стр. 33, табл. 1, 3; Pochitonov, Posnamky..., стр. 67, рис. 5; Пахомов, Монеты Грузии, стр. 279, табл. А, 4.

№ 5. Л. ст.: оскаленная морда льва в профиль; об. ст.: протома львицы во вдавленном квадрате. Триобол, д. 11 × 13 мм; вес 2,21—2,60 г.

С. И. Макалатиа, О находке нового клада колхидских монет, ВДИ, 1939, № 4, стр. 157—159; рис. 4; Зограф, Распространение..., табл. 1, 5; Капанадзе, Заметки..., табл., 2; он же, Грузинская нумизматика, стр. 13, табл. 1, 4; Pochitonov, Posnamky..., стр. 67, рис. 4; Пахомов, Монеты Грузии, стр. 279; табл. А, 5.

№ 6. Л. ст.: человеческая голова в профиль в линейном или в точечном ободке; об. ст.: голова быка в профиль в линейном ободке. Триобол, вес 1,06—2,80 г.

В то время как крупные номиналы (дидрахмы, драхмы) и триболы типа № 5 насчитываются единицами, или уникальны, триболов № 6, хранящихся в музеях, — свыше 5000, не считая разошедшихся по частным коллекциям и утраченных. Большое количество и стилистическое разнообразие штемпелей, различия в составе металла (от высокопробного серебра до субэрата) и слишком значительные колебания в весе — все это говорит о длительности чеканки триболов. Большинство их аэпиграфы, но примерно 1% — с буквами.

К. В. Голенко и Д. Г. Капанадзе подвергли колхидские триболы монографическому изучению³ и, исследовав 813 экземпляров, пришли к следующим выводам.

² О датировке «колхидок» исследователями см. ниже.

³ К. В. Г о л е н к о, Д. Г. К а п а н а д з е, Четыре клада колхидок, НЭ, VI, 1966, стр. 31—61.

1. Варианты типа позволяют установить 12 хронологических групп, выпуск которых начинается до 450 г. до н. э. и кончается примерно около 325 г. (т. е. охватывает период приблизительно в 125 лет).

2. Колебания в весе, столь резкие в составе всей массы колхидок, оказываются сравнительно незначительными внутри каждой группы. Прослеживается постепенное падение веса в прямой зависимости от хронологического места группы.

3. В последние десятилетия IV в. до н. э. эмиссия триоболов прекратилась, но обращение их продолжалось еще довольно долго. Не исключена возможность спорадических выпусков и после 325 г. до н. э., а некоторые редкие триоболы, которые не могут быть отнесены ни к одной из установленных 12 групп, могут быть квалифицированы как «варварские подражания».

В последние десятилетия, когда в связи с широко развернувшимся археологическими исследованиями на территории Грузии особое внимание привлекает вопрос о социальной и политической организации древних обществ и, в частности, политической организации населения Колхиды в античную эпоху, наличие этой древнейшей на Кавказе чеканки привлекается как основной аргумент для обоснования представления о существовании в Колхиде в раннеантичное время единого государства с монархической властью, объединявшего в своих пределах западную часть территории современной Грузии⁴. В этой связи вопрос о том, где и кто чеканил колхидки, приобретает особую остроту.

Нет сомнений в том, что колхидки не завозились в причерноморскую часть Закавказья извне, а чеканились там на месте. Доказательством этого служит прежде всего замкнутость их обращения. Находки колхидок-триоболов известны в массовом количестве в виде кладов, насчитывающих десятки и сотни экземпляров; в культурных напластованиях древних поселений и в древних погребениях их находят как при раскопках, так и случайно, на всей территории Западной Грузии — от Абхазии до р. Чороха и от Черного моря до Дикских гор. За пределами Западной Грузии они почти не встречались⁵. Однако главный вопрос, выпускались ли они государством колхов, или греческими городами на побережье Колхиды, вопреки высказанному в литературе мнению⁶, до сих пор остается спорным.

А. Н. Зограф в свое время писал: «...Труден и неясен вопрос о том, где и какими органами выпускались монеты, объединяемые в группу „колхидок“. В связи со сферой распространения *естественно* (курсив паш.— А. Б.) напрашивается догадка, не был ли таким центром, в котором чеканились эти монеты, древний Фасис. К сожалению, отсутствие систематических раскопок на месте этого античного поселения лишает эту догадку какой-либо опоры в данных находок на городище. Что же касается общих соображений, которые могли бы быть выдвинуты за или против нее на основании обобщающей характеристики монет, то наличие фантастических элементов в типологии монет, и в особенности почти полное отсутствие надписей, скорее говорят за племенную, чем за городскую чеканку. Следует, однако, оговориться, что придавать решающее значение общим соображениям, на основе наблюдений над греческими городскими чеканками здесь, на далекой окраине греческого мира, нельзя. И этот вопрос, конечно, нуждается для своего решения в новых данных, в частности в археологическом исследовании территории Фасиса. Эти новые данные, может быть, помогут решить и вопросы, которые становятся в связи со своеобразной типологией „колхидок“⁷.

⁴ О. Д. Лордкипанидзе, Античный мир и древняя Колхида, Тбилиси, 1966 (на груз. яз. с русск. резюме), стр. 35—36; Г. Дундуа, Колхидки, «Дзеглис Мегабари», № 23, 1970, стр. 11 (на груз. яз.).

⁵ Достоверно известны единичные находки их в Восточной Грузии (Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, IV, Баку, 1949, № 994, 1000, 1002), две монеты, найденные при раскопках Нимфея на Боспоре (В. М. Скуднова, Находки колхидских пифосов и монет в Нимфее, ВДИ, 1952, № 2, стр. 238) и в Фергане (М. Е. Маслов, Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г., «Известия Среднеазиатского института», III, Ташкент, 1928, стр. 283 сл.).

⁶ Голенко, Капанадзе, Четыре клада..., стр. 31.

⁷ Зограф, Распространение..., стр. 38. Столь длинная выдержка приводится здесь потому, что при ссылках на эту статью иногда указывают лишь на предположе-

Е. А. Пахомов считал, что колхидки были монетами греческих прибрежных городов⁸. К мысли о том, что колхидки выпускались греческими городами побережья и скорее всего милетской колонией, городом Фасисом, склоняется и английский ученый Д. М. Лэнг⁹.

Иной точки зрения придерживаются специально занимавшиеся колхидками Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко.

В своем обобщающем труде «Грузинская нумизматика» Д. Г. Капанадзе не только локализует выпуск этих монет в пределах Колхиды и приписывает его государству колхов, но совершенно исключает возможность участия греческих городов в их чеканке¹⁰. В статье Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко о происхождении колхидок повторяется тот же тезис с несколько более развитой аргументацией, опирающейся на соображения общего характера (массовость и ареал, топографическое размещение кладов, изображения на монетах, связанные с мифологией местного населения, устойчивость типа, высокий уровень развития материальной культуры местного населения)¹¹. Приступая к освещению вопроса о происхождении колхидок, Д. Г. Капанадзе а priori исходил из определенной концепции. Его точка зрения базируется на исторических построениях С. Н. Джанашиа, который впервые высказал мысль о существовании государства колхов с VI в. до н.э. и подробно развил ее в ряде работ. С. Н. Джанашиа и сам обосновывал чеканкой колхидок свой тезис о классовой организации аборигенного населения Колхиды, а следовательно, о наличии государственной власти. Правда, он делал при этом оговорку, что вопрос о том, кто выпускал колхидки, пока еще не выяснен и ясно лишь, что они служили для внутреннего обмена в Колхиде¹². Однако в другой работе С. Н. Джанашиа уже прямо расценивает чеканку колхидок как чеканку именно государства колхов¹³.

Этот взгляд разделяет подавляющее большинство современных советских исследователей истории древней Грузии, принимающих концепцию единого государства колхов в VI—III вв. до н.э. Мнения расходятся лишь по вопросу о том, где и кем непосредственно производилась чеканка: в городах, созданных колхами во внутренних районах страны, или на монетных дворах городов на восточном побережье Черного моря.

Б. А. Куфтиц считал колхидскую монету «свидетелем возникновения первой грузинской государственности»¹⁴, но поскольку монетная система государства колхов и стилистические особенности самой монеты создались на основе греческих образцов¹⁵, он полагал, что чеканка производилась монетным двором Фасиса¹⁶.

Г. А. Меликишвили, подчеркивая, что выпуск колхидок предназначался для обслуживания внутреннего рынка в среде местного общества Колхиды и поэтому не может рассматриваться как явление, имеющее отношение только к греческим колониям побережья, считает, однако, возможным, что чеканка этих монет производи-

ше А. Н. Зографа о «племенной» чеканке колхидок, как будто бы он исключал возможность их выпуска греческими городами побережья Колхиды (ср., например, К. В. Голенко, Денежное обращение Колхиды в римское время, Л., 1964, стр. 11—12; О. Д. Лордкипанидзе, ук. соч., стр. 36).

⁸ См. Д. Г. Капанадзе, К. В. Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, ВДИ, 1957, № 4, стр. 90, прим. 13.

⁹ D. M. Lang, Studies in the Numismatic History of Georgia..., N. Y., 1955, стр. 1 и 125.

¹⁰ Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, М., 1955, стр. 33.

¹¹ Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, стр. 88—95.

¹² С. Н. Джанашиа, Родовой строй у грузинских племен (впервые опубликовано в 1932 г.), здесь цитируется по посмертному изданию: С. Н. Джанашиа, Труды, II, Тбилиси, 1952, стр. 127.

¹³ С. Н. Джанашиа, О происхождении феодальных отношений в Грузии, в кн. Джанашиа, Труды, II, стр. 154.

¹⁴ Б. А. Куфтиц, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 13—14.

¹⁵ Там же, стр. 146.

¹⁶ Там же, стр. 61: букву Ф под головой быка на реверсе триоболов Б. А. Куфтиц считал помещенной «для более убедительного приурочения места чеканки колхидских монет к городу Фасису, как бы обозначенному на этой колхидке инициалом».

лась на монетных дворах греческих приморских городов, которые, по его мнению находились в политической зависимости от местной центральной власти¹⁷.

М. П. Инадзе также полагает, что колхидские монеты чеканились на монетных дворах приморских городов, и прежде всего Фасиса, не исключая, впрочем, возможности чеканки и в городах внутренних районов страны; но большую часть этих монет, по ее мнению, следует рассматривать не в качестве автономной чеканки от имени городской общины, а как результат использования городского монетного двора царской властью¹⁸.

О. Д. Лордкипанидзе находит, что некоторые колхидские монеты имеют негреческий облик; это обстоятельство, а также их ареал заставляют его рассматривать колхидки как местные монеты государственного чекана колхов, предназначенные специально для местного внутреннего рынка¹⁹ (что полностью совпадает с точкой зрения Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко)²⁰.

Приведенные выводы ряда нумизматов, археологов, историков отражают отсутствие более или менее единого мнения по основным вопросам, связанным с изучением колхидок, и разногласия по вопросу о происхождении этих монет и интерпретации типов. Несходны и заключения, к которым приводят исследователей наблюдения над сферой распространения колхидок.

Из приведенных выше слов А. Н. Зографа видно, что в связи со сферой распространения колхидок (и притом в массовом количестве!) на территории Западной Грузии «естественно напрашивается догадка», что центром, их выпускавшим, был город Фасис — милетская апойкия. Такой же вывод из этих же предпосылок делает и Д. М. Лэнг.

Те же самые обстоятельства (ареал и массовость) Д. Г. Капанадзе (и солидаризирующийся с ним К. В. Голенко) истолковывают совершенно иначе и используют в качестве довода для диаметрально противоположного вывода: раз монеты были широко распространены по всей Западной Грузии, значит участие греческих городов в их выпуске исключается. Массовый характер находок и распространение их только в пределах Западной Грузии должны, таким образом, свидетельствовать не столько о торговле колхов с греками, сколько о развитом денежном обращении в среде самих колхов. Но почему развитое денежное обращение в среде самих колхов, если оно действительно имело место, должно служить препятствием для признания их широких торговых связей с греками? Тем более, что о таких связях свидетельствует и широкое распространение в стране греческих товаров, попадавших в Колхиду через приморские города.

В V—IV вв. греческий импорт (аттический, фасосский и др.) широко распространяется не только в прибрежной полосе, но и во внутренних районах Колхиды, в таких поселениях, как Вани, Кутаиси, Сачхере, Итхвиси, Брили²¹. Между тем именно на V—IV вв. приходится наиболее интенсивный выпуск колхидок-триоболов. Не следует ли связывать это с большой посреднической ролью Фасиса, который, как полагали А. Н. Зограф и Д. М. Лэнг, и был центром, выпускавшим колхидки?

Что же касается размещения находок колхидских монет по территории Западной Грузии, то наблюдение Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко, писавших, что большее их количество обнаружено в районах, расположенных в глубине страны, вдали от моря²², нуждается в существенных уточнениях. Пункты, которые на карте находок колхидок,

¹⁷ Г. А. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 247—249.

¹⁸ М. П. Инадзе, К вопросу о самоуправлении в причерноморских городах Колхиды в античную эпоху, «Сообщения АН ГрузССР», XXI, 1958, № 2, стр. 241—247; она же, Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1963, стр. 167—172.

¹⁹ О. Д. Лордкипанидзе, ук. соч., стр. 37; ср. также стр. 155—157 (резюме на русск. яз.).

²⁰ Мы ограничиваемся обзором лишь основных работ, дававших новые дополнительные соображения по вопросу о происхождении колхидок.

²¹ О. Д. Лордкипанидзе, ук. соч., стр. 80 и сл.

²² Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, стр. 92.

составленной этими исследователями²³, помечены белыми треугольниками, вряд ли можно считать лежащими «в глубине страны» или хотя бы в ее «средней полосе». Районы Зугдиди, Рухи, Ахали-Абастумани, Читацхари, не говоря уже об Эргети, по своему местоположению не могли не быть в экономическом и торговом отношении тесно связаны с городами и эмпориями побережья. То же следует сказать и о Джумати и Земочибати, находившихся в ближайшем соседстве с районами Фасиса, и о районе, прилегающем с востока к приморской полосе от р. Супсы до устья р. Чороха. При этом следует с сожалением напомнить о том, что как раз районы, прилегающие непосредственно к прибрежным греческим поселениям, изучены значительно слабее, чем «средняя полоса» и восточная часть Колхиды. А что касается Фасиса, раскопки которого, как отмечали А. Н. Зограф и Б. А. Куфтин, дали бы ответ на многие вопросы, то городище его до сих пор даже не зафиксировано точно на карте. Кроме того в статье Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко не могли быть учтены случайные находки, теперь уже достаточно обильные, кладов и отдельных монет на территории приморской полосы Абхазии вплоть до Эшери²⁴. И, наконец, если триоболов (так называемых «обычных» колхидок — с человеческим профилем и профилем быка) было найдено свыше 5000 по всей территории Грузии, то достоверно зафиксированные находки остальных номиналов и типов (считающихся наиболее ранними и известных лишь в единичных экземплярах) локализируются только в приморской полосе (районы Поти и Зугдиди)²⁵.

То обстоятельство, что колхидки, за редчайшими исключениями, падают только в пределах исторической Колхиды, используется как аргумент против возможности признания их автономной городской чеканкой. Замкнутому обращению колхидок противопоставляются находки гораздо менее многочисленных монет Диоскуриады, зарегистрированные вне Западной Грузии не только в Крыму и на Тамани, но даже и в Алкаре²⁶. Такое противопоставление неправомерно. Формально медные монеты Диоскуриады были городской автономной чеканкой, однако выпуск их относился ко времени, когда Колхида вошла в состав владений Митридата Евпатора и выпуск ее монет был обусловлен политическими и финансовыми интересами и потребностями понтийского царя²⁷. Солдаты и купцы развозили монеты, битые в Диоскуриаде, по всей подвластной Понту территории.

Против отнесения чеканки колхидок к греческим городам побережья возражают также и на том основании, что в ранней чеканке греческих городов в других областях античного мира — с развитыми товарными отношениями — преобладают мелкие и мельчайшие номиналы, за исключением больших торговых городов, монета которых специально предназначалась для крупных торговых сделок на внешнем рынке; на Востоке же, при меньшей развитости товарных отношений, монета применялась больше для крупных расчетов, и потому мелкая монета там почти отсутствует²⁸. А. Н. Зограф не без оснований предостерегал против подобного использования общих соображений, основанных на наблюдениях над греческими городскими чеканками, так как «здесь на далекой окраине греческого мира»²⁹ обстановка была иной: при начале чеканки колхидок, то есть в последние десятилетия VI в. до н. э., в Колхиде, естественно, товарные отношения еще не были достаточно развитыми (не более чем в то же время в странах древнего Востока). Если же говорить о чеканке греческих городов, то можно было бы напомнить о ранних выпусках крупных номиналов (статеры, дидрамы) ряда городов, не игравших особо выдающейся роли на внешнем рынке.

²³ Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, стр. 89.

²⁴ Ю. Н. Воронов, Археологическая карта Абхазии, Сухуми, 1969, стр. 67—69.

²⁵ Зограф, Распространение..., стр. 56, № 35; стр. 57, № 36; Голенко, Капанадзе, Четыре клада..., стр. 34.

²⁶ Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, стр. 92; Меликишвили, К истории..., стр. 248.

²⁷ Г. А. Лордкипанидзе, К истории древней Колхиды, Тбилиси, 1970, стр. 19.

²⁸ Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, стр. 90.

²⁹ Зограф, Распространение..., стр. 38.

Крупные номиналы колхидок — дидрахмы — относятся как раз к самому раннему времени — VI—V вв., когда, казалось бы, товарные отношения были менее развитыми, чем в IV в. и позже. Следует отметить, однако, что вкладах, включающих крупные номиналы — дидрахмы (составляющие промежуточное звено между тетрадрахмами, рассчитанными на внешний обмен и накопление, и драхмами, обслуживающими уже местные городские нужды), содержатся и современные им мелкие номиналы — триболлы; последние рассчитаны на внутреннее обращение при совершении мелких сделок. Таким образом, в ранний период чеканки колхидок (VI—V вв. до н. э.) выпуск монет был рассчитан как на совершение более или менее крупных сделок и на накопление, так и на мелкие сделки среди широких масс населения. Недостаточная изученность колхидских монет вообще и, в частности древнейших номиналов, отмечаемая исследователями, не позволяет в данное время сделать окончательные выводы о хронологической последовательности широкого распространения мелких номиналов далеко от приморской полосы в глубь страны; но, как уже говорилось, крупные номиналы и триболлы с профилем льва и протомой львицы во вдавленном квадрате тяготеют скорее к приморской полосе, чем к внутренним районам страны. Итак, привлекать эмиссии немногочисленных дидрахм и других номиналов, почти уникальных, в качестве аргумента против возможности чеканки колхидок приморскими городами вряд ли правомерно.

Одним из доводов в пользу допущения возможности «племенной» (т. е. колхской), а не городской (т. е. греческой) чеканки колхидок А. Н. Зограф считал почти полное отсутствие надписей на этих монетах. Однако, как известно, в греческой чеканке до середины V в. надписи на монетах появлялись лишь sporadически. При этом на греческом Востоке такое положение сохранялось дольше; монеты Милета, Клазомен, Эригтр, Кизика, Митилены оставались аноэпиграфными³⁰. По мнению Бёрингера, в ранний период чеканки еще не было надобности в различении места выпуска с помощью надписи, особенно если ареал обращения монеты был ограничен³¹. Подобные суждения непосредственно могут быть отнесены и к колхидкам с их ареалом, замкнутым границами Колхиды, и с их специфическими чертами, сближающими их с восточным греческим миром — в первую очередь с метрополией Фасиса Милетом. С монетами восточного греческого мира (Иония, Кария, а также Лидия и другие области Малой Азии) их роднят и некоторые технические особенности. Как известно, в указанных областях в наиболее ранних образцах монет металлический слиток имел форму яйца или боба и благодаря этому монеты получались не круглые, а овальные. Поэтому для типов таких ранних монет подбирали целые фигуры лежащих или идущих животных, как лежащий лев на милетских электровых монетах³² и на колхидской дидрахме. Овальной получалась форма и некоторых других колхидских монет, таких, как дидрахма с профилем человека и гемидрахма с львиным скальпом и профилем быка³³.

Надписи на очень немногих колхидских монетах появляются лишь в поздний период их чеканки (конец IV в. до н. э.) в виде отдельных букв: MO (или скорее ΣO) Φ, E, O, Δ³⁴ и при этом только на «обычных» триболах, поскольку в это время крупные номиналы уже не чеканились. По поводу этих надписей высказывались два предположения: 1) надписи представляют инициалы магистрата; 2) надписи являются сокращенным названием места (города) чеканки.

Б. А. Куфтин, считавший колхидки «собственной чеканкой» колхидского государства, полагал, что буквы MO (скорее — ΣO) можно прочесть ΣO[THP]³⁵, а букву Φ (на единственном экземпляре с такой буквой) считал инициалом названия города Фа-

³⁰ Н. А. С а h n, Knidos, Die Münzen des sechsten und des fünften Jahrhunderts v. Chr., В., 1970, стр. 31.

³¹ См. там же, прим. 83.

³² А. Н. З о г р а ф, Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 62.

³³ Изображения колхидских монет овальной или приближающейся к овалу формы см. К а п а н а д з е, Грузинская нумизматика, табл. I, 1, 2, 3.

³⁴ Д. Г. Капанадзе в добавлениях к посмертному изданию книги Е. А. Пахомова «Монеты Грузии» (Тбилиси, 1970, стр. 279).

³⁵ К у ф т и н, Материалы к археологии Колхиды, II, стр. 58.

сиса, где производилась чеканка³⁶. Н. В. Хоштариа считала, что буквы означали колхидские города, где чеканились монеты, и это свидетельствует, по ее мнению, что чеканка триоболов производилась в разных местах³⁷. К этой точке зрения присоединились М. П. Инадзе³⁸ (допускавшая ранее, что буквы могут означать также инициалы имен магистратов³⁹) и Н. Кигурадзе⁴⁰. Ни один из специалистов-нумизматов такого мнения, однако, не поддержал и вопрос остался открытым⁴¹.

Не претендуя на попытку выяснить этот вопрос, позволим себе высказать лишь некоторые соображения. Предположения о буквах на некоторых экземплярах триоболов как обозначениях городов, где производилась чеканка, не кажутся убедительными. Если считать, что греческими буквами были обозначены названия городов побережья (независимо от того, считать ли их городами колхов или греческими апойкиями, свободными или подвластными «царству колхов»), то такими городами могли быть, во всяком случае, только наиболее крупные торговые центры — Фасис и Диоскуриада. Между тем буква Φ, которая могла бы означать название города Фасиса, известна лишь на одном экземпляре, а на большинстве надписанных монет мы видим ΜΟ (или ΣΟ) и другие буквы. Однако в источниках мы не находим упоминания сколько-нибудь значительных городов, названия которых можно было бы сопоставить с буквами на триоболах⁴².

Если обратиться к чеканке греческих городов, то пометки магистратов в архаическое время появляются вообще редко. Но такие примеры известны: на монетах Абдеры имена магистратов в сокращенной форме встречаются уже около 520 г. до н. э., т. е. до появления названия города⁴³. Известен ряд монет Книды и Херсонеса Карийского, помеченных именами различных магистратов на наиболее ранней — I серии (520—530 гг.), но лишь на одном экземпляре (по-видимому, наиболее позднем в данной серии) мы видим сокращенное обозначение города. Интересно, что на штампе одной из монет имя магистрата оказалось выскобленным⁴⁴. На последующих сериях имена магистратов уже не помечались, но помечалось κτητικον города, сначала в сокращенной, затем в полной форме. То же самое можно отметить и в чеканке Ольвии: на литых медных монетах V в. и на серебряных статерах того же времени имена магистратов появляются раньше появления монет с обозначением названия города⁴⁵.

Конечно, делать вывод, что и в Колхиде дело обстояло совершенно так же, было бы преждевременным: хронология колхидских монет исследована еще недостаточно, а кроме того эти монеты долго оставались ануэпиграфными и буквенные обозначения появ-

³⁶ Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, стр. 61.

³⁷ Н. В. Хоштариа, Археологические памятники античной эпохи в Западной Грузии, в коллективном труде «Археология Грузии», Тбилиси, 1959, стр. 243—245 (на груз. яз.).

³⁸ М. П. Инадзе, Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1968, стр. 170—171.

³⁹ Инадзе, К вопросу о самоуправлении..., стр. 242—243.

⁴⁰ Н. Кигурадзе, Монеты из могильника Дапнари, «Дзегли Мегобари», № 23, Тбилиси, 1970, стр. 18 (на груз. яз.).

⁴¹ Ср. Дундуа, Колхидки, стр. 14.

⁴² Н. В. Хоштариа была склонна видеть в буквах ΜΟ сокращенное название Мохориси или Мухуриси, что, как было сказано выше, никем из нумизматов-специалистов поддержано не было. Малоубедительными кажутся и соображения О. Д. Лордкипанидзе о возможности чеканки колхидок в колхидских городских центрах во внутренних районах страны (О. Д. Лордкипанидзе, Античный мир и древняя Колхида, стр. 36, прим. 4). Тем более что, если О. Д. Лордкипанидзе отрицает существование греческих апойкий на восточном побережье Черного моря, не находя «буквально никаких следов культурной эллинизации местного населения» (там же, стр. 162) даже в приморской полосе, то остается непонятным, как абортинное население внутренних районов могло столь односторонне воспринять лишь один из элементов «эллинизации» — чеканку монеты по образцу ионийских монет с использованием современных им приемов монетного дела, с архаическим греческим стилем типов, и при этом уже в VI в. до н. э. — с первых десятилетий после обоснования греков на побережье Колхиды.

⁴³ J. M. May, The Coinage of Abdera, 1966, стр. 64.

⁴⁴ Саһп. ук. соч., стр. 72.

⁴⁵ Зограф, Античные монеты, стр. 24—126.

ляются на них, по-видимому, только в IV в. до н. э. Однако изложенные здесь наблюдения, затрудняющие понимание буквенных обозначений на колхидках как названий центров чеканки, заставляют видеть в этих обозначениях скорее сокращенные имена магистратов, чем обозначения городов, что также указывает скорее на греческие апейки побережья Колхиды, чем на колхскую царскую чеканку.

Исходя из концепции существования в Колхиде в VI—III вв. до н. э. единого государства с твердо организованным государственным аппаратом, Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко ищут дополнительного подтверждения этого тезиса в противопоставлении колхидок так называемым «варварским подражаниям». Действительно, такое противопоставление вполне обосновано: несмотря на некоторые черты, позволяющие сближать колхидки с ранними малоазийскими и восточнотурецкими монетами, считать их «подражаниями» нельзя. И не только потому, что колхидки оригинальны и не представляют собой копии каких-либо монет, но и потому, что так называемые «подражания» появляются на территории Грузии в эллинистическое время в период более развитых товарно-денежных отношений и копируют тип наиболее распространенной чужеземной монеты в том случае, когда начинает ощущаться недостаток в ее притоке. И тем не менее эти «подражания» представляют действительно «племенную» чеканку. При копировании определенного ходового типа монет они отходят все дальше от первоначального оригинала, извращая его тип почти до неузнаваемости. Различные детали (надписи и непонятные детали изображений) при этом перерабатываются и переосмысливаются совершенно фантастически. В основе таких переосмыслений нередко, по-видимому, выступают местные племенные религиозные и мифологические представления⁴⁶, особенности и условности местного стиля изобразительного искусства.

Ничего подобного в типах колхидских монет мы не видим. В них отсутствуют элементы условности, свойственной стилю современного им колхского изобразительного искусства. Напротив, в изображении человеческого профиля мы видим черты несколько наивного архаизирующего схематизма, идущего от греческой архаики. Изображение лежащего льва не только по композиции, но и по стилю близко милетским электровым статерам; львиный скальп (на драхме с головой быка на оборотной стороне) близок зрелому греческому искусству V в., реалистически передающему природу. Даже фантастическая человеческая коленапоклоненная фигура с головой животного, воспроизводящая, по-видимому, чуждый образ, навеянный мифологическими представлениями негреческих обитателей Колхиды, изображена так, как ее могли бы представить греческие мастера, а не копий. Все это заставляет думать, что мастера, изготовлявшие штампы, которыми чеканились колхидки, были греками.

Итак, хотя можно согласиться, что колхидки не были продуктом «племенной» чеканки и выпуск их осуществлялся государством, но тем не менее остается недоказанным, что государством этим было «царство колхов», а не греческие города-государства Восточного Причерноморья.

Большое значение имеет вопрос о внешнем облике монет, их весовых данных и об интерпретации типов (см. помещенный выше список типов).

К. В. Голенко и О. Д. Лордкипанидзе отмечают «негреческий облик» некоторых (в том числе и самых ранних номиналов) колхидок⁴⁷. Между тем еще А. Н. Зограф, говоря о трудности датировки колхидок, требующей тщательного стилистического анализа типов, с уверенностью писал о том, что изображение лежащего льва на лицевой стороне дидрахмы № 2⁴⁸ напоминает фигуры львов на архаических ионийских (милетских) электровых статерах⁴⁹. Эту дидрахму А. Н. Зограф считал возможным датировать концом VI в. С аналогией, приведенной А. Н. Зографом, согласен и Б. А. Куфтин,

⁴⁶ Зограф, Античные монеты, стр. 101.

⁴⁷ Голенко, Денежное обращение Колхиды..., стр. 11—12. О. Д. Лордкипанидзе, ук. соч., стр. 157 (русское резюме).

⁴⁸ №№ типов здесь указываются по нашему списку.

⁴⁹ Зограф, Распространение..., стр. 37, со ссылкой на E. V a b e l o n, *Traité des monnaies grecques et romaines*, 1-e partie, P., 1901, табл. I, 14 и сл.

склонный относить упомянутую монету «ближе к VI в.»⁵⁰. VI веком датирует ее и Д. Г. Капанадзе⁵¹.

К наиболее раннему периоду чеканки колхидок относит эту дидрахму и Д. М. Лэнг, хотя и датирует ее несколько более поздним временем (500 г. и позже)⁵². Для женского профиля на лицевой стороне триболов (№ 6) А. Н. Зограф не отрицает обоснованности сопоставления⁵³ этого типа с наиболее архаичной головой нимфы Аре-тусы на сиракузских тетрадрахмах конца VI в. до н. э.⁵⁴ Типы оборотной стороны с головой быка А. Н. Зограф сопоставляет с посящими самосские типы монетами Регия и Мессаны начала V в. до н. э.⁵⁵ В то же время стиль этих типов, по мнению А. Н. Зографа, скорее архаизирующий, чем подлинно архаический, в силу чего монеты могут быть отделены от указанных аналогий значительным промежутком времени⁵⁶. Б. А. Куфтин сравнивает изображение женского профиля на лицевой стороне колхидских триболов, найденных в серебряной фиале при раскопках в Дабла-Гоми, с некоторыми из колхидок клада 1929 г. из Хопи и находит, что женский профиль на этих колхидках представляет почти полную аналогию лесбосским триболам V в. до н. э.⁵⁷ С. И. Макалатиа в своей работе о «колхской дидрахме» пишет, что в колхидском царстве с V в. до н. э. чеканились и были в обращении монеты греческие по форме и по весовой системе⁵⁸. Б. А. Куфтин также считает, что монетная система колхидского государства и стилистические особенности самой колхидской монеты создавались на основе греческих образцов⁵⁹.

Таким образом, наблюдения А. Н. Зографа, Б. А. Куфтина и С. И. Макалатиа над стилем, техникой и другими внешними данными колхидских монет ведут к сопоставлению этих монет с ранними греческими монетами Средиземноморья, что как раз подтверждает их именно «греческий облик». И действительно, в стилистическом отношении мы не сможем найти даже отдаленных аналогий изображениям на колхидках среди памятников изобразительного искусства или художественного ремесла ни самих колхов, ни других племен Кавказа и Закавказья.

Рассмотрим теперь сюжеты изображений на колхидках. По утверждению Д. Г. Капанадзе и К. В. Голенко, «очевидно одно, что в основу изображений на колхидках легли местные традиции», что колхидки чеканились с «сугубо местным сюжетом», сохраняя его столетиями, в течение которых эти местные традиции превратились в застывшую схему⁶⁰. Так ли это?

Обратимся к самому крупному номиналу — тетрадрахме (№ 1) с оскаленной львиной мордой влево на лицевой стороне и протомой Пегаса во вдавленном квадрате на обороте. Д. Г. Капанадзе опубликовал ее по единственному экземпляру Музея Грузии, беспаспортному, приобретенному покупкой; место и обстоятельство находки монеты неизвестны. Д. Г. Капанадзе считал ее древнейшей из всех, известных до сих пор колхидских монет и относил к V в. до н. э.⁶¹ Д. М. Лэнг в 1957 г. отметил, что еще в 1871 г. Британский музей приобрел второй экземпляр монеты этого типа⁶². Е. Похи-

⁵⁰ Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, стр. 59—60.

⁵¹ Капанадзе, Грузинская нумизматика, стр. 32, № 1.

⁵² L a n g, Studies in the Numismatic History..., стр. 8.

⁵³ С. И. Макалатиа, Колхская дидрахма, ВГМГ, VII, 1933, стр. 198 (на груз. яз.).

⁵⁴ E. V o e h r i n g e r, Die Münzen von Syracus, B., 1929, табл. I; II, 2 сл.

⁵⁵ Со ссылкой на V a b e l o n, Traité..., табл. XXI, 9, II; LXXII, 9; ср. «Mitteilungen der Bayer. Numism. Gesellschaft», XLVIII (1930), табл. VII.

⁵⁶ Зограф, Распространение..., стр. 37.

⁵⁷ Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, стр. 59, со ссылкой на В. Н e a d, Historia Numorum, Oxf., 1914, стр. 558, рис. 291.

⁵⁸ Макалатиа, Колхская дидрахма, стр. 198.

⁵⁹ Куфтин, ук. соч., стр. 146.

⁶⁰ Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, стр. 92—93.

⁶¹ Д. Г. Капанадзе, Заметки по нумизматике древней Колхиды, ВДИ, 1950, № 3, стр. 194 и сл.; он же, Грузинская нумизматика, стр. 32—33, табл. I, 5.

⁶² D. M. L a n g, Notes on Caucasian Numismatics (Part I), A Three Colchian Rarities, «Num. Chr.», sixth series, vol. XVII, 1957, табл. XVII, стр. 138, Д. Лэнг отно-

тонов указал на другой вариант того же типа из собрания Сикса, хранящийся в Нумизматическом кабинете в Гааге⁶³. На гаагском экземпляре голова льва на лицевой стороне обращена вправо. Этот экземпляр был опубликован еще в 1907 г. и монета была отнесена к одному из городов Лесбоса⁶⁴. Изображение протомы Пегаса во вдавленном квадрате уже в VII в. до н.э. встречается на лицевой стороне серебряного статера из Киме. Таким образом, бесспорно колхидское происхождение этой монеты пока еще не доказано⁶⁵.

Прежде чем перейти к анализу сюжетов, представленных известными нам типами колхидок, следует поставить общий вопрос: правомерно ли отрицать возможность принадлежности чеканки монет тому или иному греческому полису на периферии греческого мира при наличии в монетных типах сюжетов и образов, относящихся к мифологическим и религиозным представлениям аборигенов. Думаем, что подобная позиция не может быть признана правильной. О сложности и пестроте религиозных представлений, отраженных в греческих мифах, связанных с Причерноморьем, писал М. И. Ростовцев⁶⁶, отмечая, что принесенные из Эллады мифологические представления греческих поселенцев на берегах Понта наслаивались на местные. Особенно это касалось солнечных мифов и образов божеств жизни и смерти, земли и воды, животных и растений. Божества эти издревле почитались у всех народов и были древнее самих эллинов и их культуры. Знакомясь с религиозными образами аборигенов, греки «узнавали» в них черты своих богов и привязывали к ним свои мифы⁶⁷, расцветивая их новыми деталями. Неудивительно поэтому, что, создавая свои города на берегах Черного моря, греки не только воспринимали культы местных богов, но порою отводили им роль главного божества — покровителя города. Наиболее яркий пример — почитание херсонессцами таврской богини Девы, изображение которой мы видим на херсонесских монетах.

Подобную же возможность следует учитывать и при анализе сюжетов с наличием «фантастических элементов», отмеченных А. Н. Зографом в типологии колхидок.

Изображения льва, помимо упомянутой выше тетрадрахмы, встречаются еще на трех типах колхидок: на дидрахме, где на лицевой стороне изображен лежащий лев (№ 2), на триболе с головой льва в профиль на лицевой стороне и протомой львицы на оборотной (№ 5) и на драхме со скальпом льва на лицевой стороне (№ 4) Колхидское происхождение всех этих трех типов сейчас можно считать твердо установленным⁶⁸.

сит тетрадрахму к числу колхидских монет, но датирует ее более поздним временем — около 400 г. до н. э.

⁶³ E. Pochitonov, *Posnamky a doplňky k nejstarším razbám Kolchidy*, «Numismatické Listy», 1959, Cerven, стр. 68, рис. 6 и 7.

⁶⁴ Dompièrre de Chauffepie, *Quelques monnaies grecques de la collection numismatique de la Haye*, «Revue belge de numismatique», Bruxelles, 1907, стр. 142.

⁶⁵ Е. Похитонов (см. прим. 63) склонен, однако, приписывать данному типу колхидское происхождение: он обратил внимание на сходство трактовки профиля львиной головы гаагского экземпляра с подобным изображением на гемидрахме из клада, найденного в 1913 г. близ Зугдиди (издан: С. И. Макалатиа, *О находке нового клада колхидских монет*, ВДИ, 1939, № 4, стр. 157—159; ср. Зограф, *Распространение...*, стр. 36, табл. I, 5; Капанадзе, *Грузинская нумизматика*, стр. 33, № 4, табл. I, 4). К вопросу о колхидском происхождении этой монеты ср. также Дундуа, *ук. соч.*, стр. 11—12, рис. 1. Однако указанное сходство изображений вряд ли может служить бесспорным доказательством.

⁶⁶ М. И. Ростовцев, *Новая книга о Белом острове и Таврике*, ИАК, вып. 65 (1918), стр. 180 и сл.

⁶⁷ Там же, стр. 195.

⁶⁸ Дидрахма № 2 — в составе кладов, найденных близ Поти в 1910 г. и близ Зугдиди в 1913 г. (Е. А. Пахомов, *Монетные клады Азербайджана*, I, Баку, 1926 (далее — Клады I), стр. 37, № 9; о н же, *Клады Азербайджана и других республик. Краев и областей Кавказа*, вып. 2 (далее — Клады II), Баку, 1938, стр. 8, № 305; Макалатиа, *О находке...*, стр. 156). Драхма № 4 известна по уникальному экземпляру Кутаисского музея. Колхидское происхождение ее устанавливается благодаря изображению головы быка на оборотной стороне, точно повторяющему такое же изображение на колхидских триболах. Гемидрахма № 5 — в составе клада, найденного в 1913 г. близ Зугдиди, вместе с дидрахмами с лежащим львом.

В древнем изобразительном искусстве Кавказа и, в частности, Западного Закавказья, изображение льва нам неизвестно⁶⁹, как и упоминания о нем в фольклоре. Что же касается архаических греческих монет, то изображение льва мы встречаем раньше всего на востоке греческого мира, где лев был связан с культом солнечного бога — Аполлона. Особенно ярко это выступает в Милете, где Аполлон был главным божеством. Там мы находим изображения львов на архитраве в Дидимах⁷⁰. Голова льва впрямь выступает на антефиксах Дидим VI в. до н. э.⁷¹; монументальные скульптуры лежащего льва были найдены в раскопках Милета и Дидим. Относительно отнесения к Милету монет, объединенных типами головы льва или лежащего льва с обращенной назад головой, нет разногласий⁷². Изображения львов мы видим и на ранних статерах Линда, и на чеканке мелких ранних номиналов Книда, где они также были связаны с почитанием Аполлона как главного божества этих городов⁷³.

Статеры Милета с головой льва впрямь начали выпускаться с VII в. до н. э. Тот же тип (голова льва впрямь) встречаем мы и на монетах Самоса. Статеры Самоса примыкают к древнейшим группам малоазийской электровой чеканки⁷⁴. В этой связи интересно вспомнить о находке самосского электрового статера архаического времени в Вани, тип которого, судя по описанию А. К. Маркова, представлял голову льва впрямь без гривы⁷⁵. Тип лицевой стороны колхидской драхмы с львиным скальным впрямь (№ 4), датируемый V в. до н. э., может быть сооставлен и с более поздними (около 387 г.) тридрахами с Самоса⁷⁶, где мы видим дальнейшую эволюцию типа.

В городах восточной части греческого мира почитание Аполлона как бога солнца пришло, по-видимому, в соприкосновение с древними малоазийскими солярными культурами, откуда греками и был заимствован образ льва как олицетворения бога. Изображение его на монетах Милета, Книда, Линда, Самоса и др. свидетельствует о древности этого культа в греческих городах западного побережья Малой Азии и прилегающих островов⁷⁷. Все это дает основание предположить, что и в нумизматике восточного побережья Черного моря изображение льва было принесено в типологию монет из Ионии и, в частности, из Милета, как метрополии Фасиса, и было связано с культом Аполлона Водителя⁷⁸. То обстоятельство, что на изображении лежащего льва с повернутой головой, в позе, аналогичной изображению на милетских монетах, мы видим неестественное сочетание пышной гривы и резко выступающих сосков («лев-гермафродит», — назвал его Д. М. Лэнг), указывает, скорее всего на то, что реальный образ льва был незнаком мастеру, изготовлявшему штемпель дидрахмы, и что образ этот был заимство-

⁶⁹ Изображения львов на ромбовидных пластинках роскошных золотых диадем из двух женских погребений, раскопанных в 1962—1969 гг. в Вани, даже если они были изготовлены здесь, не следует в данном случае принимать в расчет, так как эти замечательные произведения ювелирного искусства должны быть отнесены к кругу так называемого «греко-персидского искусства».

⁷⁰ G. G u b e r t, в «Jahrb. d. Deutsch. Arch. Instituts», 78, 1913, стр. 144.

⁷¹ М. М. К о б ы л и н а, Милет, М., 1965, стр. 91, рис. 30.

⁷² З о г р а ф, Античные монеты, стр. 40, табл. I, 7—9.

⁷³ S a h n, Knidos, стр. 197.

⁷⁴ А. Н. З о г р а ф, Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, 110, 1935, стр. 178—179.

⁷⁵ З о г р а ф, Античные монеты, стр. 164.

⁷⁶ Там же, табл. IX, 21.

⁷⁷ S a h n, Knidos, стр. 197.

⁷⁸ Ср. надпись на серебряной чаше конца V — начала IV в. до н. э. из Фасиса: Ἀπόλλωνος Ἡγεμῶνος ἐνὶ τῷ Φάσει (К. Е. Д у м б е р г, Раскопки курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области, ИАК, вып. 1, 1901, стр. 98—100). Чаша, посвященная Аполлону Водителю, украшена изображенными впрямь головками оленя, расположенными вдоль внутреннего края сосуда. Между тем, в соответствии с той ролью, которую играл лев в понийском культе Аполлона, следовало бы ожидать изображение на чаше львиных голов. Такая замена священного животного Аполлона, возможно, должна быть объяснена влиянием религиозных представлений колхов, у которых культ солнечного божества был связан с почитанием оленя (А. I. B o l t o n o v a, L'influence de l'art antique sur la toreutique du Caucase des premiers siècles de notre ère, в сб. «Le rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques», Р., 1965, стр. 428; ср. Г. А. Л о р д к и п а н д з е, К истории древней Колхиды, стр. 113—115).

ван извне. Но на оборотной стороне трибола; № 4, в углубленном квадрате, мы видим изображение этого зверя уже без гривы (львицы). Дидрахм с изображением лежащего льва на лицевой стороне и коленопреклоненной человеческой фигурой с головой животного (№ 2) на оборотной стороне дошло немного; в музеях СССР и за рубежом хранится всего 9 экземпляров. Точно зарегистрированы только два места находок кладов, в составе которых были найдены дидрахмы этого типа: один в 1910 г. возле Поти⁷⁹, второй в 1913 г. в районе г. Зугдиди⁸⁰. Несмотря на такое незначительное число сохранившихся экземпляров, наблюдается несколько вариантов этого типа. Лежащий лев на лицевой стороне на большинстве экземпляров обращен влево, но встречаются экземпляры, где он обращен вправо. Однако основные различия представляет тип оборотной стороны, где во вдавленном прямоугольнике изображена пагая коленопреклоненная человеческая фигура, скорее всего женская, с ожерельем на шее. Тело ее то более плотное и коренастое, то более стройное; она обращена то вправо, то влево⁸¹. Различно и положение рук. Е. Похитонов насчитывает пять вариантов типа оборотной стороны⁸². Различия наблюдаются также и в изображении головы животного, которая похожа то на голову быка, то козла или еще какого-то зверя (медведя? или скорее льва?)⁸³. Описанный тип оборотной стороны дидрахмы № 2 наиболее фантастичен и загадочен.

С. И. Макалатиа был склонен усматривать в человеческой фигуре изображение Мпнотавра⁸⁴. Предположение это, однако, отпадает, поскольку изображенная пагая фигура — женская, а звериная голова бывает похожа на голову не только быка, но и других животных. Д. М. Лэнг, который в описанных им вариантах усматривал лишь бычью (или коровью?) голову, полагает, что загадочные фигуры на данном типе дидрахмы связаны с примитивными верованиями древних грузин или абхазов, хотя и не приводит для этой мысли никаких аргументов; однако он находит возможным искать параллель этим изображениям среди некоторых фантастических существ в памятниках сирохетской глиптики⁸⁵, т. е. ведет нас опять в мир древнейших религиозных представлений малоазийских и ближневосточных народов, с культурой которых была так тесно связана культура ионийских греков Малой Азии. В связи с этим не случайным кажется, что впервые описавший этот тип дидрахмы, Б. Хед пытался, хотя и ошибочно, атрибутировать эту дидрахму Ликии⁸⁶. А. Н. Зограф задается вопросом: не представляет ли женская голова на лицевой и бычья голова на оборотной стороне триболов (№ 6) лишь разные стадии представления об одном и том же существе? И не является ли бычья голова на поздних колхидках головой того фантастического существа, которое фигурирует на оборотной стороне более ранних (№ 2)⁸⁷.

По поводу «бычьеголового существа» уже высказывались суждения, что это изображение представляет не фантастическое существо, а скорее человека в звериной маске⁸⁸ в сцене совершения культового действия, возможно, мистерии⁸⁹. Такое предположение, может быть, подкрепляется и молитвенной коленопреклоненной позой.

⁷⁹ Пахомов, Клады, I, стр. 37, № 9; Зограф, Распространение..., стр. 56—57, № 35.

⁸⁰ Макалатиа, О находке...; Пахомов, Клады, II, стр. 8, № 305; Зограф, Распространение..., стр. 58, № 36.

⁸¹ Капанадзе, Грузинская нумизматика, стр. 145, прим. 30.

⁸² Pochitov, Rosnamku..., стр. 67.

⁸³ Инадзе, Причерноморские города древней Колхиды, стр. 167.

⁸⁴ С. И. Макалатиа, Находки колхидских монет нового типа, ВГМГ, т. XIV-B, 1947, стр. 427 (на груз. яз.).

⁸⁵ Lang, Studies on Numismatic History..., стр. 8.

⁸⁶ Head, в «Num. Chr.», 1871, стр. 168.

⁸⁷ Зограф, Распространение..., стр. 18 (со ссылкой на Prokesch-Osteln, в «Num. Zeitschr.», II, 1870 и Е. А. Пахомов, Несколько слов о рисунке колхидок, Батум, 1911).

⁸⁸ Д. Г. Капанадзе высказывал это мнение мне в личной беседе; того же мнения придерживается и М. П. Инадзе (Причерноморские города..., стр. 167).

⁸⁹ Мистерии, справлявшиеся на берегах Фасиса в самом начале весны в честь Гекаты (Pitt., De fluvii, V, 2) были связаны, по-видимому, с «фасисанской богиней», отождествлявшейся греками с Гекатой.

Изображение женского профиля встречается на дидрахме V в. (№ 3), где на лицевой стороне мы видим женский профиль в линейном ободке, а на оборотной — два аналогичных профиля во вдавленных квадратах. На триоболах, выпуск которых начался в середине V в. и продолжался примерно 125 лет, повторялись неизменно варианты одного типа: женский профиль лицевой стороны сопровождался головой быка на обороте. В этой связи следует вспомнить и описанную Е. Похитоновым дидрахму, полностью повторяющую дидрахму с женским профилем в линейном ободке на лицевой стороне, но в отличие от известной дидрахмы № 3, на описанном Е. Похитоновым экземпляре, во вдавленных квадратах оборотной стороны были помещены не человеческие профили, а обращенные друг к другу протомы быков, совершенно аналогичные изображенным па триоболах⁹⁰.

Изображение быка было известно в чеканке греческих городов. Так, А. Н. Зограф упоминает о монетах Самоса с протомой быка на лицевой стороне, чеканившихся по милетской весовой системе, поскольку Самос вошел в союз малоазийских городов, восставших против Персии в первой половине I в.⁹¹ Встречается изображение быка и на оборотной стороне монет городов Северного Причерноморья, например, Феодосии на рубеже IV и III вв., Пантикапея в IV в.⁹² Что же касается колхидских монет, то поскольку изображение быка на монетах с женским профилем мы вправе сопоставить с бычьеголовой маской на дидрахме № 2, сюжет обратной стороны которой следует связывать с религиозными представлениями не греков, а аборигенов, то правильнее будет видеть в женском профиле на колхидских дидрахмах и триоболах образ местного божества. С. И. Макалатиа предположил, что здесь мы видим сванскую богиню Дали, сославшись на сходство с изображенным на сиракузских монетах профилем Артемиды, поскольку культ Дали корреспондирует с культом Артемиды⁹³. К этому предположению сочувственно отнесся и Д. М. Лэнг⁹⁴, однако аргументацию С. И. Макалатиа нельзя признать убедительной⁹⁵. Ш. Я. Амиранавили и Г. А. Лордкипанидзе считают женский профиль на колхидских монетах изображением «великой матери богов и покровительницы животных». Статую этой богини, стоявшую у входа в устье р. Фасис описал Арриан, сопоставивший ее с Фидиевой Реей в Афинском Метрооне⁹⁶. Наименование богини, представленной этой статуей, осталось неизвестным; Арриан (Peripl. M. Eux., 11) называет ее *Φασιστινὴ θεὸς*. Из этого сообщения можно заключить, что жителями милетской колонии был воспринят культ местного женского божества, подобно тому как херсонесцами был воспринят культ таврского женского божества — Девы. Как в Херсонесе, так и в Фасисе культ этот стал культом богини — покровительницы города; ее статуя изображена на монете Аристарха, назначенного Помпеем правителем Колхиды⁹⁷.

Культы Фасианской богини или таврской богини Девы тесно переплетаются с культурами аналогичных женских божеств Эллады, Малой Азии и островов Эгейского моря. Общеизвестно, что культ великого женского божества был широко распространен у всех народов на древнейшем этапе религиозного мышления, особенно на Востоке. Это был культ матери-природы, жизни и смерти, воды и земли, растений, животных и рыб. Представления об этом божестве многообразны: в разных странах в нем преобла-

⁹⁰ P o s h i t o n o v, P o s n a m k y..., стр. 68 и 69. Монета была куплена в 1910 г. в Тифлисе и, по словам продавца, находилась в составе клада, найденного в 1910 г. близ Поти на берегу моря. В том же кладе были и дидрахмы с лежащим львом и обычные триоболы (анэпиграфные). Клад этот следует датировать V в. до н. э.

⁹¹ З о г р а ф, Античные монеты, стр. 40—41.

⁹² Там же, табл. XXXIX, 1 и XLI, 7; Д. Б. Ш е л о в, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М. 1956, стр. 103, табл. IV, 44.

⁹³ М а к а л а т и а, Колхская дидрахма, стр. 199—200.

⁹⁴ L a n g, Studies in the Numismatic History..., стр. 8.

⁹⁵ Как отметил А. Н. Зограф (Распространение..., стр. 37), на сиракузских тетрадрахмах изображен профиль нимфы Аретусы, а не Артемиды.

⁹⁶ Ш. Я. А м и р а н а в и л и, История грузинского искусства, М., 1960, стр. 80; Г. А. Л о р д к и п а н и д з е, К истории древней Колхиды, стр. 118.

⁹⁷ Д. Г. К а п а н а д з е, И. Г. Ш е н г е л и а, Триморфная Геката с колхидской дидрахмы V в., сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 157.

дали то те, то иные черты⁹⁸. В своих первоначальных грубых и жестоких формах культ великой богини сохранился у наиболее отсталых племен, живших войной и разбоем. У таких народов богиня умиловивлялась человеческими жертвами. Таковы были разбойничье племя на о. Лемносе, почитавшее *Μεγάλη θεά*⁹⁹, и тавры, убивавшие чужеземцев-пленников и занимавшиеся разбоем (Herod., IV, 103, Strabo, VII, 4, 2). Подобные черты были вероятно присущи первоначально и культу фасианской богини. Это можно заключить по извлечению Гераклита из Политий Аристотеля о политии Фасианов. По его словам, «по Фасису¹⁰⁰ первоначально жили гениохи — племя людоедов и сдирающих кожу с людей; а потом — милетяне»¹⁰¹; в Северном Причерноморье культ великого женского божества природы играл большую роль в религиозной жизни меев и сарматов и был воспринят греческим населением городов Боспора Азиатского. В религиозном сознании греческих поселенцев побережья Колхиды представление о местном верховном женском божестве переплеталось с образами греческой мифологии — Артемидой, Гекатой и персонажами из сказания об Аргонавтах. По всей вероятности и понийский культ Аполлона, перенесенный на почву Колхиды, претерпел известные изменения, наслоившись на культ местного солнечного божества, поскольку солнечные мифы в сказании об Аргонавтах играют большую роль.

Изложенные наблюдения над типами колхидских монет приводят к выводу, что сюжеты типов отражают мифологические представления как понийских греков, принесенные ими из своей метрополии, так и аборигенных племен Колхиды, воспринятые греческими поселенцами, и потому воспроизведение мифологических образов, созданных негреческими обитателями страны, вряд ли должно служить достаточно веским аргументом против возможности выпуска колхидок милетской апоикией Фасисом.

Возражая против возможности отнесения чеканки колхидок к греческому полису, нумизматы указывают на необычное для греческого полисного чекана постоянство типа, сохранявшегося в течение столетий (VI—III вв.)¹⁰². Это не совсем точно. Чеканка дидрахмы с лежащим львом (*№ 2*) относится ко времени, близкому к рубежу VI и V вв. В течение V в., когда чекан колхидских монет далеко еще не был обильным, наблюдается эмиссия нескольких типов и разных номиналов: дидрахма с женским профилем, драхма с львиным скальпом и головой быка и триобол с профилем львиной морды и протомой львицы, и наконец, где-то в первой половине или около середины V в. начинается чеканка триоболов с женским профилем и головой быка¹⁰³. Эмиссии всех номиналов кроме последнего, т. е. триобола, оказались очень кратковременными. О «застывшей схеме» можно говорить лишь в применении к триоболу, выпуск которого продолжался в течение примерно 125 лет и стал массовым, когда прекратился чекан всех остальных более крупных номиналов. Массовость так называемых «обычных» колхидок падает главным образом на IV в., когда на территории Колхиды развивается денежное обращение, широко проникающее в среду местного как городского, так и сельского населения. «Обычные» колхидки стали самой ходовой и популярной монетой, сохранявшейся в обращении, по-видимому, еще довольно долго после прекращения регулярных выпусков. Этот обильный выпуск следует, видимо, объяснять появлением острой потребности в мелкой монете для внутреннего рынка и отсутствием притока достаточного количества иноземных монет.

Попытки выяснить причины прекращения чеканки колхидок в настоящее время не могут быть успешными; для решения этого вопроса необходимо прежде всего выясне-

⁹⁸ Ростовцев, Новая книга о Белом острове и Таврике, стр. 195.

⁹⁹ И. И. Голстой, Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте, Пг., 1918, стр. 133.

¹⁰⁰ Имеется в виду река Фасис.

¹⁰¹ Heracleid., XVIII, Müller (FHG, II, стр. 208—224). Эти фантастически преувеличенные сведения восходят, вероятно, к доколониционному периоду, к временам первых посещений греками берегов Колхиды, так как в «Политике» (VIII, 4, 4) Аристотель, упоминая о жестокости гениохов, помещает их уже на территории современной Абхазии, где они обитали и согласно Страбону (XI, 2, 12—13).

¹⁰² Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, стр. 93.

¹⁰³ Голенко, Капанадзе, Четыре клада..., стр. 37.

ние их происхождения, а вопрос этот упирается в другой нерешенный вопрос — о существовании царства колхов. Сходство изображений на колхидских монетах и художественный стиль их очень близки восточнореческому миру. Весовая система, по которой чеканились колхидки, остается невыясненной и по сей день ¹⁰⁴, однако, по-видимому, это была одна из греческих систем ¹⁰⁵. Трудность выяснения системы метрологии колхидок отмечает и Д. М. Лэнг, который высказывается против удержания здесь единой и хорошо определенной системы и объясняет это отдаленностью милетских колоний от их метрополии и их подверженностью влияниям персидской и местной экономики и политики, поскольку циркуляция колхидского серебра была преимущественно местной ¹⁰⁶.

По признанию нумизматов колхидки остаются «почти неизученными и во многом еще загадочными монетами» ¹⁰⁷. Г. Дундуа констатирует, что при полном отсутствии прямых свидетельств о монетном деле в Колхиде и почти полной апэпиграфности колхидских монет, остаются неразрешенными следующие вопросы: происхождение колхидок, их датировка (в особенности — крупных номиналов), интерпретация изображенных на них сюжетов (в частности фантастического бычьеголового существа), значение букв на немногих триболах ¹⁰⁸.

Однако все то, что мы пытались установить на основании наблюдений над сферой распространения колхидок, анализа типов, обобщающей характеристики монет и сопоставления их с ранними монетными выпусками греческого Востока, отнюдь не дает оснований исключать возможность чеканки их автономными греческими полисами побережья Колхиды. Но, если так, то могут ли колхидские монеты служить основным доказательством существования колхидского царства? И еще: если анализ особенностей колхидских монет, сближающих их с ранней чеканкой городов восточного греческого мира заставляет ряд исследователей (Б. А. Куфтин, Г. А. Меликишвили, М. П. Инадзе) предполагать, что чеканка этих монет производилась на монетных дворах греческих городов побережья Колхиды, а не в городах колхов внутренних районов страны, то можно ли категорически настаивать на их чеканке от имени царства, если само существование этого царства приходится доказывать чеканкой тех же самых монет?

А. И. Болтунова

«KOLKHIDKI»

by A. I. Boltunova

The silver coins known as «kolkhidki» («Colchians») were minted locally in Western Georgia much earlier than local coinage appeared in other parts of the Caucasus. They are often cited as proof of the existence of a Colchian state in the VI—III centuries B. C., and the issue of the coins is ascribed to the kings of Colchis. The arguments put forward in support of this are as follows. 1. The coins are found, and in very large numbers, not in the zone of Greek settlement but far from the sea. 2. The older issues are represented by coins of the largest denominations, evidently with a view to the needs of large-scale transactions, whereas in the Greek cities these coins were struck first in small denominations. 3. The great majority of «kolkhidki» are not inscribed. 4. The abundance in which hoards of these coins are found testifies, not to trade with Greeks, but to a developed mo-

¹⁰⁴ Пахомов, Клады, I, стр. 15; Капанадзе, Голенко, К вопросу о происхождении..., стр. 91; Голенко, Капанадзе, Четыре клада..., стр. 45.

¹⁰⁵ Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, стр. 146.

¹⁰⁶ Lang, Notes on Caucasian Numismatics, стр. 139.

¹⁰⁷ Голенко, Капанадзе, Четыре клада..., стр. 47.

¹⁰⁸ Дундуа, Колхидки, стр. 14. Когда настоящая статья была уже подготовлена к печати, я ознакомилась с новой работой Г. Ф. Дундуа «К происхождению колхидок с изображением льва» («Мацне», 1972, № 1, стр. 56—73, на груз. яз. с русск. рез.), где автор приписывает эти монеты чеканке Фасиса.

ney circulation among the Colchians themselves. 5. The coin-types have a non-Greek look, the subjects represented on them come not from Greek but from Colchian myths and religious ideas. 6. The type-persistence observed in the «kolkhidki» issues is characteristic not of Greek but of barbarian coinage.

In the author's view these arguments are not convincing. 1. The observation that «kolkhidki» are found mostly far from the sea is inaccurate. 2. The rare finds of large, early denominations have occurred precisely in the coastal area and their minting coincides with a period when commodity relations were but little developed in Colchis. The mass minting of 3-obol pieces comes mainly in the IV century and is connected with the development at this time of local intertribal commodity relations. 3. In the eastern part of the Greek world coinage remained anepigraphic for a long time. The Greek letters which appear on a few coins are in all likelihood abbreviations of the names of magistrates, which would indicate a city rather than a royal mint. 4. In technique and style the «kolkhidki» are very like the early Greek coinage of the eastern Mediterranean; they bear no resemblance at all to Colchian art styles. 5. The subjects depicted on these types reflect motifs both of Greek mythology (in Asia Minor the lion is connected with the worship of the sun god Apollo, the ox appears on the coins of many Greek cities) and of the mythology of the aborigines (the representation of the great female divinity). 6. One may speak of coin-type persistence only in respect to the 3-obol pieces, and even here there are many variants.

The conclusion that the «kolkhidki» were minted in the Greek cities at the behest and in the name of the king of the Colchians is also not convincing, since the very existence of a Colchian kingdom is argued from the fact that these coins were minted.